



Дубровский (Исследование краеведа)

У меня под Москвой есть такой опытный край, куда вот уже лет десять езжу я на охоту и совсем свободно, как будто играя, мало-помалу создаю из него свою Журавлиную родину. Не один раз я рассказывал, какая прекрасная изумрудно-зелёная шаровидная Клавдофора, водоросль ледниковой эпохи, живёт там на дне Заболотского озера. Не один раз пытались осушить этот заболоченный край по Дубне и Сулоти, но ничего не выходило из этих затей: Журавлиная родина зарастает всё больше, и просто с глазу понимаешь, как неохотно малые речки стекают в Дубну.

В особенности же часто останавливается и как бы задумывается Сулоть, то совсем исчезая, то расширяясь большими утиными плёсами. Заболотское озеро, где Ленин охотился, является лишь громадным плёсом Сулоти. При последней попытке спустить Заболотское озеро мы очень боялись за Клавдофору. Но воды отлилось из озера только на метр, осохла только береговая Клавдофора, а глубинная осталась шар к шару, как большие ядра, на дне озера.

Строительство канала Москва—Волга взяло крупную жертву лесами от Журавлиной родины, но все говорят, что за это канал щедро воздаст журавлям, уткам и всякой болотной дичи большой прибавкой водицы. Отбросив шутки, однако, вспомним, что всюду болота без всяких даже наших усилий из года в год сохнут, а здесь почему, за что злой рок тяготеет над этим заболоченным краем? И не будет, конечно, неожиданным, если мы откроем, что это роковое зарастание находит отражение в местном фольклоре.

Это маленькое открытие в области фольклора относится к самой недавней поездке моей на Журавлиную родину и является, по-моему, в отношении творчества лица края таким же значительным, как то, что на Журавлиной родине Ленин охотился, что там живёт ледниковый реликт Клавдофора и что здесь скоро пройдёт новый великий канал.

Недавно на вечерней утиной охоте один местный школьный работник (Константиновский район, Московской области) В. И. Егоров, обратил моё внимание на то, что в большое болото Трестницу с берега как бы спускаются и уходят в него полоски земли, очевидно, бывшие когда-то в руках земледельцев. В. И. Егоров, указав на эти полоски, сказал мне, что он слышал от своей бабушки, будто эта заболоченная ныне земля принадлежала крестьянам исчезнувшей потом деревни Кистенёвки, что об этой Кистенёвке будто бы упомянуто в одной краеведческой книжке, посвящённой Переславскому уезду (М. И. Смирнова).¹

По словам Егорова, эта исчезнувшая (сгоревшая) Кистенёвка была именно та самая Кистенёвка, в которой Пушкин поселил своего героя Дубровского. Мне было известно, что у Пушкиных где-то в Нижегородской губернии была своя Кистенёвка, что сила местного патриотизма естественно стремится всякую Кистенёвку сделать своей.

Но мне было тоже известно, что нынешнее село Заболотье в народе исстари называется Дубровским, что то же самое Заболотье в церковных книгах числится как Покровское (в повести Пушкина именование Троекурова называется Покровским). Мало того! В. И. Егоров слышал от нескольких лиц, что на евангелии в тяжёлом серебряном окладе, принадлежащем Заболотскому храму, написано: «Дар Троекурова». Мне тоже известно было, что неподалёку отсюда в деревню Сергеевку к Ушаковым приезжал гостить Пушкин и, как я понимаю Пушкина, он не мог бы пропустить без внимания, если бы в то время всюду в этом краю сказывали былинку о каком-то Дубровском.

* Пришвин, М. М. Дубровский (Исследование краеведа) / М. М. Пришвин // Советское краеведение. — 1935. — № 12. — С. 47—49.

¹ Нет, не упоминает Смирнов о Кистенёвке. Более того, Смирнов считает, что выдумка Пришвина пустая, а пушкинская повесть с Заболотьем не связана. — Ред.

И вот, соединив всё это вместе, я отправился по следам Пушкина искать на заболоченной Журавлиной родине Дубровского...

После грозы, бывает, в чистом поднебесьи клочками ваты бродят облака и вот-вот совершенно исчезнут. Так бродят клочками остатки былины о графе Дубровском в тёмном сознании нынешних обитателей заболоченной Журавлиной родины. Все решительно слышали от отцов и дедов о Дубровском, все говорят, что бабушка или дедушка очень складно рассказывали о том, как этого графа Дубровского за что-то казнили, а он был неповинен и, умирая, сказал: «Зарастайте же вы, все мои любимые озёра, все плёсы, все речки болотной травой...»

И что вот только один стих этой былины или сказания остался в памяти у всех, приводит к догадке, что стих этот в былине имел особенное центральное положение и держался на том же пафосе возмездия за невинно осуждённого человека, как это сделано тоже и в «Дубровском» Пушкина. И вся разница, что в народном сказании жертвой является заболоченный край, а у Пушкина дочь Троекурова, осуждённая жить с немилым человеком.

Из деревни в деревню мы ходили, расспрашивая стариков о Дубровском, и мало находили ценного. Случалось даже, легенда, созданная Пушкиным о Дубровском, перепутывалась с народной легендой о графе Дубровском, и необходимость зарастания края вытекала из поступков пушкинского Троекурова.

Однажды мы искали дупелей возле р. Скорынино. Увидав нас, какой-то человек прямо в валенках дошёл к нам по глубокому болоту только за тем, чтобы попросить у нас папироску. Закурив, мы разговорились с ним о Дубровском, и через несколько минут он привёл нас к девяностолетнему старцу, который будто бы должен всё знать.

Мучительно дело фольклорных исследований тем, что, приступая к человеку, не можешь прямо сказать ему о своей цели: цель собирания сказок кажется такой же странной, как у Гоголя охота Чичикова за мёртвыми душами. Говорить приходится всё возможное, но только не о цели, и долго приходится ждать случая, когда наконец-то можно заняться «мёртвыми душами». После трудной ходьбы по болоту, усталые, соблазнённые ласковым видом старичка, мы отбросили свою обычную околесицу и прямо сказали, что собираем рассказы о жизни графа Дубровского.

— Давно это было, — сказал дед, — всё быльём поросло.

— Вот именно нам-то и нужно это быльё.

— А птицы зачем? — указал он на дупелей.

— Это — жирные птицы, вкусные: мы их жарим.

Надо было сказать продаём, а мы сказали: жарим, и это, вероятно, погубило наше дело, старик стал подозрительным: откуда же берём средства, чтобы жарить для себя жирных птиц?

Пришлось долго рассказывать старику о фольклоре.

— Нет, — решительно сказал старик, — ни при отцах, ни при дедах наших не было графа Дубровского, а чего я сам не видал и не знаю, о том врать не хочу.

— Ладно, дед! — повернул я всю свою дипломатию на другой конец, — я знаю много больше тебя и даже о графе Дубровском тебе же могу рассказать.

— А ну? — повеселел старик.

Я кое-что складненько рассказал и, когда дошёл до ударной строки:

— «Зарастайте же вы, мои озёра!»

Старик вдруг подсказал:

— Родные озёра!

— Зарастайте же вы мои родные озёра, — продолжал я, — зарастайте плёсы, ручейки болотной травой. На родном милом месте пусть будет дико и пусто. — Так сказал граф Дубровский.

Старик поправил меня:

— Сказала голова.

Я успел догадаться:

— Да, сказал я, — Дубровскому голову отрубили, невинного человека предали казни и зато голова отрубленная проговорила: — Зарастайте же...

— А свечку в руку дали, — продолжал старик, — горела свеча, а когда свеча кончилась, пальчик стал гореть, как свеча...

с. 49 — Но за что же он был казнён? — опять не выдержал я.

И старик спохватился:

— Вы же знаете больше меня.

И больше я ничего не мог от старого человека добиться о графе Дубровском.

Я не историк литературы, но думаю, что материал мой должен побудить историка проверить предполагаемую мной связь пушкинского Дубровского с народным сказанием о графе Дубровском. Если бы это подтвердилось, какой бы это вклад был в мою Журавлиную родину, где живёт чудесная Клавдофора, о которой скоро, проезжая по новому каналу, будет расспрашивать любознательный путешественник. Безграничные богатства таит в себе каждый кусочек обжитой человеком земли, но трудно открывать их и ещё труднее соединять всё в единое, чтобы являлось перед нами лицо края, создавался ландшафт нашей новой страны.

Сообщение Пришвина оказалось выдумкой, никак не связанной с пушкинским героем. Подробнее об этом в статье М. И. Смирнова «М. М. Пришвин в Переславле-Залесском». — *Ред.*